

ДОСТОЕВСКИЙ

В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

Том 2

*Петрашевцы.
Ссылка*

ПАЛ Ы М И Р А
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 1 9

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос-Рус)
Д70

Д70 **Достоевский** в воспоминаниях современников : в 4 т. : [сборник]. — М.; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2019. — (Серия «Воспоминания о писателях»).

ISBN 978-5-517-01734-5 (т. 2)

Т. 2 : Петрашевы. Ссылка / [коммент. К. И. Тюнькина]. — 382 с.

ISBN 978-5-517-01732-1

Во второй том этого сборника вошли воспоминания, посвященные кругу петрашевых, его разоблачению и ссылке Ф. М. Достоевского.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-517-01734-5 (т. 2)
ISBN 978-5-517-01732-1

© Тюнькин К. И., наследники,
вступительная статья, составление,
комментарии, 2019

© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2019

А. Н. Майков
<Рассказ о Ф. М. Достоевском и петрашевцах
в записи А. А. Голенищева-Кутузова>

Был у Майкова (Ап. Ник.) и слышал от него рассказ об его участии в деле Петрашевского (1849).

Вот этот рассказ.

«Лежу я утром в постели. Является жандармский офицер и штатский какой-то. Спрашивает:

— Вы А. Н. Майков?

— Я.

— Извольте одеться. Мы сделаем сперва обыск, а затем попросим вас ехать с нами. Avez-vous des livres défendus?

— Probablement.

— Ou sont-ils?

— Mais voilà toute ma bibliothèque, cherchez*, и проч.

Напились чаю; перебрали книги, забрали тетради и бумаги и отправили в карете в III Отделение. Там отвели комнату, очень любезно обращались, подали обед. Затем я преспокойно заснул. А в десять часов вечера меня разбудили и повезли в крепость под охраной. Вез какой-то офицер из бурбонов и все время молчал. Привезли в крепость, повели по темным коридорам, наконец ввели в просторную освещенную комнату со столом, покрытым красным или зеленым сукном (не помню), за которым сидели генералы. Дубельт очень любезно предложил сесть и предложил вопросы пункты:

— Были ли знакомы с Петрашевским?

* — Имеются ли у вас запрещенные книги? — Вероятно. — Где они? — Вот вся моя библиотека, ищите (*фр.*).

— Был. Он кончал курс в университете вместе со мной, и я его знал, как и всех прочих студентов-товарищей.

— Так и пишете — да покороче, например, *знаком по университету*. Продолжали ли знакомство потом?

— Сначала нет, ибо уезжал из Петербурга, был за границей, а по возвращении мы встретились, и он меня пригласил на свои пятницы. Я не имел никакого повода уклоняться. У Петрашевского собиралось разнородное общество; было довольно приятно и даже подчас забавно, ибо Петрашевский, *vive farceur**, придавал своим пятницам вид каких-то заседаний.

— И даже председательствовал с колокольчиком?

— Да. Мы с братом там бывали и часто смеялись над ними, но продолжали ходить из любопытства и чтобы не обидеть старого товарища.

— Так и напишите коротко. *Продолжал знакомство из вежливости*. Знаете ли вы учение Фурье и одобряете ли его?

— Конечно, знаю, но больше понаслышке. А одобряю ли? — конечно, нет. Фаланстеры представляются мне чем-то весьма скучным, некрасивым и неудобным. Во-первых, жаль было уничтожать города, а затем жить в казарме, в коридоре, в номере — нет, покорно благодарю; не иметь своего дома — да это все равно что жить на улице! Молодому человеку весьма неприятно, чтобы все знали, кто у него бывает!

Общий смех, и, очевидно, все симпатизируют мне. Но затем мне предложен был самый трудный, тяжелый и щекотливый для меня вопрос.

— Знакомы ли были с Достоевским (Фед. Мих.) и какие имели с ним сношения?

Вопрос был тяжел потому, что я решительно не знал, до какой степени он компрометирован, что он показал, а между тем с Достоевским был у меня один очень важный разговор.

Приходит ко мне однажды вечером Достоевский на мою квартиру в дом Аничкова, — приходит в возбужденном состоянии и говорит, что имеет ко мне важное поручение.

* О, лицедей (фр.).

— Вы, конечно, понимаете, — говорит он, — что Петрашевский болтун, несерьезный человек и что из его затей никакого толка выйти не может. А потому из его кружка несколько серьезных людей решились выделиться (но тайно и ничего другим не сообщая) и образовать особое тайное общество с тайной типографией, для печатания разных книг и даже журналов, если это будет возможно. В вас мы сомневались, ибо вы слишком самолюбивы... (это Федор-то Михайлович меня упрекал в самолюбии!)

— Как так?

— А вы не признаете авторитетов, вы, например, не соглашаетесь со Спешневым (проповедовавшим фурьеризм).

— Полит<ической> эконом<ией> особенно не интересуюсь. Но, действительно, мне кажется, что Спешнев говорит вздор; но что же из этого?

— Надо для общего дела уметь себя сдерживать. Вот нас семь человек: Спешнев, Мордвинов, Момбелли, Павел Филиппов, Григорьев, Владимир Милютин¹ и я — мы осьмым выбрали вас; хотите ли вы вступить в общество?

— Но с какою целью?

— Конечно, с целью произвести переворот в России. Мы уже имеем типографский станок; его заказывали по частям в разных местах, по рисункам Мордвинова; все готово.

— Я не только не желаю вступить в общество, но и вам советую от него отстать. Какие мы политические деятели? Мы поэты, художники, не практики, и без гроша. Разве мы годимся в революционеры?

Достоевский стал горячо и долго проповедовать, размахивая руками в своей красной рубашке с расстегнутым воротом.

Мы спорили долго, наконец устали и легли спать.

Путру Достоевский спрашивал:

— Ну, что же?

— Да то же самое, что и вчера. Я раньше вас проснулся и думал. Сам не вступаю, и, повторяю, — если есть еще возможность, — бросьте их и уходите.

— Ну, это уж мое дело. А вы знаете. Обо всем вчера <сказанном> знают только семь человек. Вы восьмой — девятого не должно быть!

— Что до этого касается, то вот вам моя рука! Буду молчать.

Вот какой у нас был разговор, и вот почему мне трудно было отвечать.

Я сказал, что знаю Достоевского и очень его люблю, что он человек и товарищ хороший, но страшно самолюбив и неуживчив, что он перессорился со всеми <после> успеха своих «Бедных людей» и — что единственно со мною не было положительно ссоры, но что в последние годы (я нарочно распространял несколько время, ибо, действительно, после этого разговора мы почти не видались) Достоевский ко мне охладел и мы почти не видались.

После этого мне предложили еще несколько незначительных вопросов и объявили, что я свободен и могу идти домой. Я вышел в темный коридор и, заблудившись, наткнулся на кого-то, который вдруг грозно спросил: „Кто тут?“ Отворилась какая-то дверь, и появился генерал Набоков (добрый, но суровый старик).

— Вы зачем здесь?

Я объяснил, и меня вывели на улицу. Там я встретил провожавшего меня бурбона, который, узнав, что меня освободили, оказался очень разговорчивым и добродушным человеком, искренно радующимся моему освобождению. Я вернулся на квартиру, и вскоре мне вернули мои бумаги и книги.

Знала ли Следственная комиссия об этой фракции общества Петрашевского — не знаю. В приговоре Достоевского было сказано, между прочим: „за намерение открыть тайную типографию“. При обыске у Мордвинова, у которого стоял станок, на него не обратили внимания, ибо он стоял в физическом его кабинете, где были разные машины, реторты и проч. Комнату просто запечатали, и родные сумели, не ломая печати, снять дверь и вынести злополучный станок.

Эпизод. В 1855 году, после вступления на престол Александра II-го, в один прекрасный день является ко мне какая-то странная и довольно неблагоприятная личность и с чем-то меня поздравляет.

— Кто вы и с чем поздравляете?

— Я агент тайной полиции и поздравляю вас со снятием с вас полицейского надзора.

— Разве я был под надзором?

— Конечно-с: мы об вас всё писали.

— Да что же вы писали?

— Да всё-с, изо дня в день, нам все было известно.

— И вы были довольны мною?

— Помилуйте-с, уж чего же довольнее?

Я дал ему рубль; он скрылся, и тем окончилось все дело о прикосновенности моей к заговору Петрашевского».

А. П. Милюков

Федор Михайлович Достоевский

|

<...> Познакомился я с Ф. М. Достоевским зимою 1848 года. Это было тяжелое время для тогдашней образованной молодежи. С первых дней парижской февральской революции самые неожиданные события сменялись в Европе одни другими. Небывалые реформы Пия IX отозвались восстаниями в Милане, Венеции, Неаполе¹; взрыв свободных идей в Германии вызвал революции в Берлине и Вене. Казалось, готовится какое-то общее перерождение всего европейского мира. Гнилые основы старой реакции падали, и новая жизнь зачиналась во всей Европе. Но в то же время в России господствовал тяжелый застой; наука и печать все более и более стеснялись, и подавленная общественная жизнь ничем не проявляла своей деятельности². Из-за границы проникала контрабандным путем масса либеральных сочинений, как ученых, так и чисто литературных; во французских и немецких газетах, несмотря на их кастрирование, беспрестанно проходили возбудительные статьи; а между тем у нас, больше чем когда-нибудь, стеснялась научная и литературная деятельность, и цензура заразилась самой острой книгобоязнью. Понятно, как все это действовало раздражительно на молодых людей, которые, с одной стороны, из проникающих из-за границы книг знакомились не только с либеральными идеями, но и с самыми крайними программами социализма, а с другой — видели у нас преследование всякой мало-мальски свободной мысли; читали жгучие речи, про-